

УДК 1

Мода и стиль – миры утопии в социуме**Дружинина И.А.**

Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Сиразеева Т.Т.

Старший преподаватель кафедры философии Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Предметом исследования в этой статье является мода, определяемая символизацией утопических миров общества. Авторы рассматривают следующие аспекты темы: взаимодействие моды и развития социума, утопичность возможности следования ей. В статье особое внимание уделяется повторяющимся, и очень быстро меняющимся общественным смыслам в тех областях жизни социума, которые выражены в речи, искусстве, поведении, одежде. В авторском обосновании рассмотрения модных форм определяется их ценность для общества. То, что человечество пыталось найти в моде как утопии, всегда обращено к гармонии в окружающем мире. Также авторами уделено внимание стремлению к поиску сущности вземного в моде, потерянного рая, констатируется момент расхождения и несовпадения прогноза и проекта. Методами исследования являются метод анализа – разделения смыслового поля на отдельные части, метод синтеза – объединения смыслов. Также авторы пользуются междисциплинарными исследованиями философии и культурологии. В статье подробно изучается взаимодействие соотношений формы и содержания, идеала и утопии, стиля и моды. Особое внимание авторов уделено тому, что мода и смерть выражают стремление к совершенству, которого достичь невозможно. Авторы приходят к выводу: то, что делается модой и смертью в мире, заключается в непрерывном переделывании и изменении всего существующего, но к этой цели мода и смерть движутся разными путями.

Ключевые слова: мода, стиль, утопия, ухрония, общество, покрой одежды, одежда, модные формы, сезонность, свобода взглядов, раскрепощённость.

«Мода всегда пользуется стилем «ретро», но всегда ценой отмены прошлого как такового: формы умирают и воскресают в виде призраков».

Ж. Бодрьяр

«Стиль – это паутинка, на которой семена истины разлетаются по свету».

Д. Бэнкрофт

«Ни жить, ни петь почти не стоит;

В непрочной грубости живем.

Портной тачает, плотник строит:

Швы расползутся, рухнет дом».

В.Ф. Ходасевич

Изменчив, преходящ поток жизни, изменчиво, преходяще практически все в мире вещей, но человек и человечество стремятся найти что-либо неизменное и идеальное в платоновском смысле. В многочисленных утопиях могли бы найти выражение цельность и стремительность бытия. То, что человечество пыталось найти в утопии, всегда обращено к гармонии в окружающем мире. В чём же сущность утопического? Это – стремление к поиску сущности внеземного, поиск потерянного рая и констатация момента расхождения и несовпадения прогноза и проекта. Утопия – устремленность к прошлому? К будущему? Нет, утопия – еще также и ухрония, она имеет стремление к идеалу, стремление быть неизменной, обнаруживает себя в разных названиях «Китежград», «Беловодье», «Золотой век», «Шамбала». Вл. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» определяет утопию как небывалую блаженную страну, все мечтательное, несбыточное, как грезы о счастье. Но за рождением следует умирание, и согласно известному выражению Гераклита о человеке: «Вчерашний умер в сегодняшнего, сегодняшний умрет в завтрашнего».

Рождение – умирание – повторение – возвращение находятся в смыслах утопического. Мода, как и утопия, является переходом форм бытия и небытия в «безначальную повторяемость». «Философия бытия постулирует вечность, первичность и абсолютность бытия, небытие же в данных рамках – временно, вторично, относительно, фактически является частью бытия. Философия небытия говорит о первичности и абсолютности небытия, временности, вторичности и относительности бытия, которое рождается из лона небытия и возвращается в него после смерти» [1, с. 280; 2-3].

Жан Бодрийяр называет переходы бытия и небытия «эстетикой возобновления» и пишет о том, что «мода получает свою легковесность от смерти, а современность от уже виденного. В ней и отчаяние от того, что ничто не вечно, и, наоборот, наслаждение от знания, что за порогом смерти все сохраняет шанс на повторную жизнь, но только уже лишённую невинности, так как весь мир реальности успеваешь поглотить мода; она придавливает живое значение всей тяжестью мертвого труда знаков – и притом с чудесной забывчивостью, в фантастически неузнаваемом их виде» [4, с. 170].

Стиль – стремление к вечному, мода – обратное и оборотное выражение стиля. Мода – господство только на определенное время, в определенной среде тех или других вкусов в отношении одежды, предметов быта, архитектуры и т.п., устремленность к преходящему, к изменению с одновременной фиксацией одномоментности, одноактности, понимание мимолетности, в которой застыла изменчивость.

Израильский модельер Нант Розельфельд создала новую коллекцию в чайном стиле. Названия

моделей совпадают с названиями известных марок чая: Эрл Грей, Дарджилинг, Ассам. Первыми одеждами первых людей Библия называет листья смоковницы. Но, тело, которое мы старательно одеваем природными и неприродными материалами, лишь отражение тела духовного, которое обличено светом и в дополнительных одеждах не нуждается: «Ты одеваешься светом, как ризою...» (Пс. 103. 2). Первые люди, отведав плода от «древа познания», удаляются из рая не по своей воле, а по воле Бога и получают вместо света «одежды кожаные», то есть собственно кожные покровы, да еще возможность использовать для своей прихоти природные материалы: листья, лён, хлопок: «Я сошью тебе рубашку из крапивного листа», – поется в известном шлягере ...

Мода меняется, но чем определяется само ее неизменное присутствие в жизни человека и общества? Что движет потоком ее изменения? Когда и каким образом появилась она на подиуме и в обществе? Как устанавливается периодичность ее изменения? Что является критерием в сменности модных стилей? Что движет сменяемостью модных сезонов? «Сам Человек – существо биосоциальное, природное и общественное в нём неразделимы...» [5, с. 92]. Согласно автору оригинальной статьи «Зима – это модно» – Д. Драгунскому, внутренний мир человека стремится к распадению и перестает содержать в себе империю, которая, «с тихим шуршанием оползает, хороня массу интересных вещей, бесчеловечных учреждений и ни в чем неповинных мирных жителей, которые если в чем и виноваты, то только в том, что их бедные души вдруг престаивать вмещать величественную целостность мира» [6]. Мода как утопия для большинства россиян соединяется с ощущением холода настоящей русской зимы и пустынного ледяного пространства, в котором растворяется любая, в том числе «русская идея», и отсутствием жизненности для того, кто не сможет одеться в этом сегодняшнем бытии «*dasein*» в столь пышно рекламируемой «Снежной королеве». И вот уже надоевший рекламный ролик на фоне новостей из замерзающих российских городов по причине частых коммунальных аварий несёт остросоциальный смысл, противоположный провозглашаемой скоропроходящей сезонности.

Периодическим изменением определенных форм в сферах человеческой жизни определяется мода в современной энциклопедии «Мода и стиль». Формы в интерпретации авторов – это области жизни социума, выраженные в речи, искусстве, поведении, одежде. «По одежке встречают?» Да, одежда много может поведать о ее обладателе. Если одеваешься в деловой костюм, то возникает, «включается» особое настроение для предметного общения, например, участия в конференции или сдачи экзамена. На секцию философии на большой конференции «Туполевские чтения» Казанского национального иссле-

довательского технического университета студенты одеваются торжественно и парадно. Для нас, как организаторов студенческих научных конференций очень важно подготовить участников. Когда мы видим студентов, нарядно, красиво одетых, то нам еще до начала работы конференции понятно, что все состоится, их костюмы демонстрируют красноречивее слов, что они хотят и готовы выступить.

И. Кант точно замечает, что надолго остается характерное ощущение важности и значительности от хорошо одетого человека. Но «провожают по уму» и поэтому Кант относит моду к рубрике глупости и тщеславия. И, возможно, потому так с модой строг, что не стремился сам ей следовать? Мода определена главой классической немецкой философии как закономерность подражания – стремление казаться не менее значительным, чем другие. Если не следовать тщеславию, то стремление придерживаться старого стиля будет определяться старомодностью, а «того, кто даже считает достоинством не придерживаться моды, называют чудаком», – писал И. Кант. Но в рабскую зависимость от модных членов общества впадать совсем нет необходимости, ведь существует еще и категория вкуса и стиля. Кант подчеркивает, что «все же лучше быть всегда дураком по моде, чем дураком не по моде» [7, с. 489]... В иронии немецкого мыслителя несогласие с модой как с постоянно меняющимся образом жизни, в котором возможна фиксация этой игры в подражание, и далее – возникновение обычая. С этими мыслями И. Канта согласуется мысль Вл. Даля, определяющая моду как временную, изменчивую прихоть в быту, обществе, покрое одежды, нарядах. «По моде и мышь в комод», такую поговорку приводит Вл. Даль в одном из определений моды. В чем сущность моды в жизни социума? Для чего мы стремимся ей следовать или не стремимся, но все равно не можем ни догнать, ни отстать? Меняются наши вкусы и пристрастия, меняются наши вещи, нас окружающие, меняется практически ежедневно мода.

«Переменчивая мода дает один за другим образцы для подражания, и человек старается быть похожим на них. Копирование этих архетипов выдает неудовлетворенность собственной личной историей, смутную попытку выйти за рамки своей местной провинциальной истории и снова очутиться в том или ином Великом Времени. Современный человек при помощи многочисленных подручных средств пытается «освободить» себя от своей истории и жить в качественно ином темпоральном ритме» [8, с. 70-71].

Сначала у известного или не очень законодателя мод возникает оригинальная идея. Она – яркая, необычная. Общество еще не знало ничего подобного. Эту оригинальную идею воплощают, вкладывая ручной труд в производство ткани, отделки и самого изделия, умелые мастера. Несколько десятков или сотен искусных работников воплощают замечатель-

ную идею в швейное изделие. Затем после десятков репетиций происходит модное шоу в блеске софитов и громе музыки и аплодисментов появляются на подиумах, представленные в дефиле (символично, что первоначальное значение этого понятия – узкий проход между горами, озерами, другими препятствиями) модные тенденции, которые демонстрируют модели-манекенщицы, а потом детали этих модных нарядов переходят в повседневную жизнь. Но вот с таким трудом созданная, вчерашняя модная коллекция уже распродана со скидкой, она стала предметом массового потребления. Она уже не является остромодной, а потом и совсем растворяется в толпе.

Так, стиль «Новый облик», который был создан Кристианом Диором в первое десятилетие после Второй мировой войны, считали расточительным, на юбку могло уйти от десяти до пятидесяти метров ткани. Но самый оригинальный силуэт стал символом не одного десятилетия, высшим выражением «нового облика». Это был костюм, в котором сочетались короткий облегающий жакет с покрывающей бедра баской и широкая «присборенная» юбка с застежкой на очень узкой талии. В художественном фильме «Карнавальная ночь» песенку «Про пять минут» Людмила Гурченко исполняет именно в таком костюме. Когда в конце пятидесятых годов в продаже появились первые куклы Барби, первые костюмчики для них были сшиты в таком же стиле.

Но современная высокая мода не предназначена ни для широкой публики, ни для ее ношения в повседневной жизни. Это только эпатаж, дальше все должно перейти к *prêt a porte*. И уже затем представленные на подиуме высокой моды тенденции приобретут подражателей, ценителей и почитателей. Вот возникает новый стиль, новая тенденция уже приобретшая характер прихоти. И вот уже первые подражатели вырядились в это ультрамодное. Но совсем немного времени проходит и мода обретает массового потребителя и расходится на рынке большими тиражами модная тенденция в бесчисленных подражаниях. Модная вещь, став жертвой массового производства и потребления, исчезает и все «возвращается на круги своя».

В чем ценность моды для социума? «Ткань, скажем мы, возвращаясь к самому простому примеру, отмеряется в соответствии с требованиями одежды. Но в соответствии с какой нормой блага измеряется ценность одежды? Портные и кройщики действуют в области искусства придавать фигуре человека красоту» [8].

Красота Философии в образе женщины передана Бозэцием через образное описание одежды, в которую она одета. В своем произведении «Утешение философией» Бозэций представляет философию в виде женщины в прекрасных белых одеждах. «Она была облачена в одежды из нетленной ткани,

с изощренным искусством сплетенной из тончайших нитей, их, как позже я узнал, она соткала собственными руками», – писал Бозций. Мы узнаем в этих одеждах налет старины и, в то же время, всегда новое, в них отражена слитность в них моды и стиля. Из описания Бозция мы узнаем, что одежду эту разрывали руки каких-то неистовых существ, в уста философии автор вкладывает объяснение: это – толпа эпикурейцев и стоиков, которые разрывали в виде одежд философии наследие Сократа. И, вырвав кусочки из одежды, они думали, что в руках у них сама Философия. На ее одежде Бозций отмечает две греческие буквы π и θ , которые означают философию практическую и теоретическую. В образно-аллегорическом описании стильной одежды, в которую облачена прекрасная женщина, перед нами предстает образ самой философии.

«Был счастлив первый век; довольный
Надежной пашнею своею, –
Не праздной роскошью, что губит.
Привык он голод утолять свой
И желудем, когда придется.
Дар Вакха с медом не мешал он,
Шерсть не окрашивал тирийской
Пурпурной краской» [9, с. 216].

Так в этом же произведении поэтически выражена идея гармоничной жизни общества. Но в мире, как известно, не существует гармония как определенность, существует только устремленность к ней. Лик общества запечатлевается в облике моды, которая прихотлива, так как в ней «изменчивый обычай». Например, к середине XVIII столетия Рим стал местом, где сходились все пути культуры и встречались величайшие мыслители и деятели искусства того времени. Их стремления объединял немецкий писатель и археолог Иоганн Иоахим Винкельман (1717-1768). Он был коллекционером, библиотекарем кардинала Албании, а после 1763 г. стал папским суперинтендантом по предметам древности. Он особо выделял духовную простоту греческого искусства – его благородную простоту и спокойную величавость и удивительное чувство пропорции. Новый поворот в развитии классицизма XVIII в. произошел с началом греческого возрождения, которое принесло с собой более строгие формы. Возникла идея воссоздания эстетической атмосферы Древней Греции и распространения чистого, менее орнаментального стиля. Он оказал влияние и на женскую одежду.

Во всей Европе молодые богатые женщины стали носить простые белые платья, считая, что именно так одевались в Древних Афинах.

Свободно свисающие легкие и непышные длинные платья с завышенной талией и большим декольте шили из шелка, муслина, кружев и кисеи. Их носили с плоскими туфельками вроде сандалий, кружевными шляпками на завитых и заколотых

шпильками волосах. Драгоценности были простыми и скромными, если их вообще одевали. Считалось, что нарочитая простота символизирует высокие моральные качества древних греков. Греческий стиль в одежде шел стройным и изящным женщинам. Те же, кто был поплотнее или просто замерзал в открытых тонких платьях, должны были дожидаться 1820-х гг., когда он вышел из моды. «... Легкая, словно кружевное облако, всегда в белом, идет мадам Рекамье, весталка подлинного вкуса», писали литераторы Эдмон (1822-1896) и Жюль (1830-1870) де Гонкур. Винкельман считал, что современный мир должен наследовать величие греческой цивилизации, подражая ей. Его идеи и произведения, и среди них, прежде всего, «История античного искусства» (1763), помогали популяризации принципов классицизма. Следуя моде того времени, почти 40 тысяч молодых англичан выезжали ежегодно за границу на так называемый гранд тур. Проезжая через Францию в Италию, путешественники останавливались для изучения шедевров Ренессанса и Античности, Венеция, Флоренция, Рим и Помпеи были главными остановками на их пути.

Страстность возвышенной природы Иоганна Винкельмана к древности утвердила в Европе моду, которая сохранялась и в XIX в.

Совершенная форма не стремится к изменчивости, но содержание меняется и форме приходится уступать. Утопия также стремится к неизменности и к идеалу, идеал же также не должен быть изменен. А в стиле сохраняется устремленность к вечному, в моде – к изменчивому, но в моде отражен и запечатлен определенный стиль. Так в интересном диалоге между Модой и Смертью Джакомо Леопарди – выдающегося поэта-гуманиста начала XIX в., в котором Мода называет себя сестрой Смерти и говорит, что она порождена дряхлостью, и еще человеческим несовершенством. То, что делает с нами мода, сравнимо с деяниями самой смерти. Мода и смерть выражают стремление к совершенству, которого достичь невозможно. То, что делается ими в мире, заключается в непрерывном переделывании и изменении всего существующего, но к этой цели мода и смерть движутся разными путями. Для модных изменений довольно того, что будут сбриты бороды или усы, но для эпохи Петра I бритые бороды было символическим и очень серьезным изменением в социуме. Также к этому относится утверждение о том, что красота требует жертв – в прокалывании в угоду модным веяниям ушей и других частей тела. Обращаясь к Смерти, Мода заявляет – разве я проделываю «штучки не хуже твоих: сверлю, например, уши, а иногда губы и носы, продевая в них различные безделушки. Кроме того, я пустила в мир такие порядки и обычаи, вследствие которых самая жизнь (как в физическом, так и в нравственном смысле) стала, скорее, мертвою, чем живою, так что насто-

ящий век можно по справедливости назвать веком смерти» [10, с. 9]. Ту же самую мысль демонстрирует в статье, посвященной выставке 1889 г. в Париже как наглядному изображению культуры, цивилизации и эксплуатации, Н.Ф. Федоров – автор известной утопии «философии общего дела». Эту выставку можно считать изображением не только Франции, в которой она проходила, но всего европейского полуострова, с Альпийских высот которого европеец смотрит на восточного человека, в том числе и на русского... Но, «преувеличивая свое с ним несходство, принимает это несходство за превосходство, за прогресс, чем и свидетельствует о собственном своем несовершенности. Потому что забывает при этом о самом существенном своем сходстве со всеми людьми, о смертности, т.е. о том бедствии, в котором люди находят действительное равенство и в соединении против которого только и могут достигнуть совершенности». Перед входом на выставку было поставлено изображение женщины, которая смотрит в зеркало. Это – выражение тех модных тенденций, где господство отдается капризам женщин, а вместе с ними и моды. В обстановке, в которой представлена женщина, собраны все произведения, которые получили признание на выставке: книги в красивых и изящных переплетах, туалетное мыло и духи, все это имеет назначение быть орудием для соблазна мужчины. Но произведения XIX в. имеют свойство непрочности, и керамика как яркое выражение этой характерной черты открывает выставку. Главное, что отмечает автор: «Высшее, основное европейское искусство есть искусство одеваться, искусство половой борьбы, полового подбора. Которое и создало промышленное государство; тогда как искусство эллинское» [11].

Танцовщица, невероятно грациозная, муза С. Есенина, Айседора Дункан на одной из фотографий предстала в красиво струящихся ниспадающих «живыми» складками греческих одеждах. Она решила выйти на сцену без чулок. Танцевала босыми ногами в прозрачном «газовом» платье, а две ее подражательницы вышли на сцену совсем нагие, но их концерты, собиравшие множество публики, были скоро запрещены. Обнажение символизировало раскрепощенность, независимость взглядов, свободу выражения. Айседора Дункан стала жертвой моды, сев за руль автомобиля в длинном шарфе. Другая женщина, Булгаковская Маргарита после чудесного действия крема Азазелло и полного раскрепощения с «облегченной душой» влетает в спальню, куда следом входит Наташа, нагруженная вещами. И вот все летит на пол: туфли на распялках, кружевные платки и плечики с платьем, все это уже никому не нужно. Еще раз мелькает у Маргариты мысль о том, что она забыла одеться, но когда она уже прокричала, озвучила то, что улетает, тогда поняла, что и голубая сорочка, которая первая попала под руки,

уже ни к чему не нужна. В этой сцене романа «Мастер и Маргарита» ярко выражена символизация обновления, расставания со всеми, не нужными для будущего, вещами.

«По старой вере да по новой моде» – вот подходящее выражение для недавнего периода существования нашей страны, когда величайшая коммунистическая утопия оказалась невоплощаемой идеологией. «Мода придает временную устойчивость эстетическим представлениям широких социальных групп и сама ее динамика переводит в эстетический план определенные экономические, идеологические и социально-психологические процессы», – утверждают авторы-составители книги «Этическое и эстетическое» [12, с. 102].

«Костюму, – эстетической оболочке общества нужно, прежде всего, равноправие всего общества, равноправие экономическое. Ему нужен дружеский союз промышленности и экономики, позволяющий эстетическую ценность костюма сделать равной его экономической стоимости. И только тогда отрицательные чувства и свойства личности, которые будоражат ее во все века и столетия, при всех формациях и государственных устройствах, окажутся бессильными и жалкими перед равноценностью и разнообразием выбора», пишет Р.В. Захаржевская. Автор статьи искренне убеждена, что советский человек и советское общество могут избавиться от «гнета моды», так она определяет стремление выглядеть модно. И констатирует, что в социалистическом обществе наступит равенство эстетики и экономики. Автор не объясняет – как вообще возможно такое равенство и это стремление к нему также относится к области утопического. Провозглашает автор и все возможности для всех людей в равной степени осуществления принципа красоты (не очень понятно как это воплощалось) и освобождения людей от жажды потребления и регулирования смены потребностей [13, с. 104]. Но вот что примечательно и интересно, не возникало вопроса у правительства нашей страны периода застоя, которое, в основном, одевалось в лучших европейских модных домах, хотя ли все люди избавляться от этой «жажды приобретения» и «регулирования потребностей обновления», но я хорошо помню, как в Советском Союзе в перестроечное время – к концу восьмидесятых появился журнал «Burda», и как его первые выпуски на русском языке внимательно изучались, выкройки старательно переснимались, модные стили копировались, и с гордостью собственного индивидуального пошива носились равно как школьниками и студентами, так и преподавателями школ и Вузов. Наверное, такое стремление было достойным движением к красоте, модным направлениям, в отличие от современного похода по распродажам и магазинам «Секонд-хенда» как в прямом, так и переносном смысле слова. Ведь экономика, которая постро-

ена на сырьевом экспорте и импорте изделий легкой промышленности, направлена на уничтожение своей страны и своего народа. Времена меняются и те, кто у власти сейчас вряд ли испытывают угрызения совести, которые были свойственны Г.В. Плеханову, который не спал несколько ночей, купив для себя модный костюм. Он определяет себя как философ, друг человечества, и переживает, что одевается «как богач, между тем, как тысячи моих ближних умирают с голоду и одеваются в жалкие лохмотья. Как же я буду защищать бедняков?». И вот в не признающем ни старости, ни смерти обществе, в котором остро стоит проблема вымирания, искусство «одеваться составляет высшее искусство, больше всего ценят тряпки; занятые тряпками..., они с гордостью смотрят на археологов, занятых ветошью. Как не сказать нынешнему поколению: не гордись, тряпка, завтра будешь ветошкой!» [11, с. 149]. «Что было, то и будет; что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (Экклезиаст).

«Наконец пришло время, когда все, на что люди привыкли смотреть, как на отчуждаемое, делается предметом обмена и торга, становится отчуждаемым. В это время даже те вещи, которые были передаваемы другим, но не обмениваемы, были даримы, но не продаваемы. Были приобретаемы, но не покупаемы, – добродетель, любовь, убеждение, знание, совесть, – все стало, наконец, продажным. Это время общей порчи. Время всеобщей продажности, или, выражаясь языком политической экономии, – время, когда всякая вещь, материальная или нравственная, сделалась продажной стоимостью, выносятся на рынок, чтобы нести там свою истинную оценку», писал К. Маркс [14, с. 154].

Построенная в расчете на вневременную сущность человечества утопия стремится к неизменности, к идеалу справедливости, но не может его достичь. Мода стремится к идеалу красоты для всех, который также недостижим. Совершенная форма должна обладать иммунитетом к изменению, утопия обещает наступление эпохи, когда прежнее исчезнет, но тогда уже не будет вообще ничего. А утопия становится антропологией, к последней стремится и мода. Бытие во времени относится как к изменчивой моде, так и к утопии, а также обществу и модным тенденциям в его развитии.

Литература:

1. Волкова М.Н. Оптимизм и пессимизм философии бытия // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 4. – С. 280-283.
2. Чанышев А.Н. Трактат о небытии // Вопросы философии. – 1990. – № 10. – С. 158-165.
3. Солодухо Н.М. Философия небытия. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2002. – 146 с.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – 389 с.
5. Дружинина И.А., Сиразеева Т.Т. Культурология (для технических Вузов): учеб. пособие. – М.: Альфа-М: ИНФРА-М. – 160 с.
6. Драгунский Д. Зима – это модно // Искусство кино. – 2003. – № 12. – С. 51-53.
7. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. Сочинения в 6-ти тт. – Т. 6 / Под общ. ред. В.Ф. Асмуса. – М.: Мысль, 1966. – 743 с.
8. История эстетики / Под ред. М.Ф. Овсянникова. – М.: Изд-во Акад. художеств, 1962. – 682 с.
9. Боэций. Утешение философией и другие трактаты / Отв. ред., сост. Г.Г. Майоров. – М.: Наука, 1990. – 483 с.
10. Мода: за и против / Сб. статей. Общ. ред и сост. В.И. Толстых. – М.: Искусство, 1973. – 267 с.
11. Федоров Н.Ф. Парижская выставка / Примеч. и сост. С.Г. Семеновой. – М.: Мысль, 1982. – 169 с.
12. Этическое и эстетическое / Под ред. М.С. Кагана, В.Г. Иванова – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. – 119 с.
13. Захаржевская Р.В. Мода и гуманизм / Сб. статей. Сост. и общ. ред. В.И. Толстых. – М.: Искусство, 1973. – 278 с.
14. Маркс К. Нищета философии / Пер. с нем. – М.: Политиздат, 1987. – 187 с.

Fashion and Style as the Worlds of Utopia in Society

I.A. Druzhinina, T.T. Sirazeeva

Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev

The subject matter of research in this article is the fashion determined by symbolization of the utopian worlds in the society. The authors dwell upon the interaction of fashion and development of society, and utopianism of possibility to follow fashion. Special attention is paid to the repeating, and very quickly changing public meanings in those areas of social life which are expressed in the speech, art, behavior, clothes. The value of fashion forms for society is defined in the light of the authors' justification. What the mankind tried to find in fashion as in utopia always turned to harmony in the world. Moreover, the authors pay attention to human attempts to obtain extraterrestrial essence, the Paradise Lost, in fashion, and state divergence and discrepancy of the forecast and project. The methods of research are a method of analysis (division of a semantic field into separate parts) and a method of synthesis (associations of meanings). Also the authors refer to interdisciplinary researches of philosophy and cultural science. In general the paper dwells upon an interaction of form and content, ideal and utopia, style and fashion. The authors focus on the fact that the fashion and death express a commitment to excellence which cannot be reached. The authors come to the conclusion that the fashion and death in the world continuously change everything that exists but in different ways.

Key words: fashion, style, utopia, uchronia, society, style of clothing, clothes, fashion forms, seasonality, freedom of convictions, disinhibition.

